

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

אבי אבי
הנהל

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГНАННЫХ»

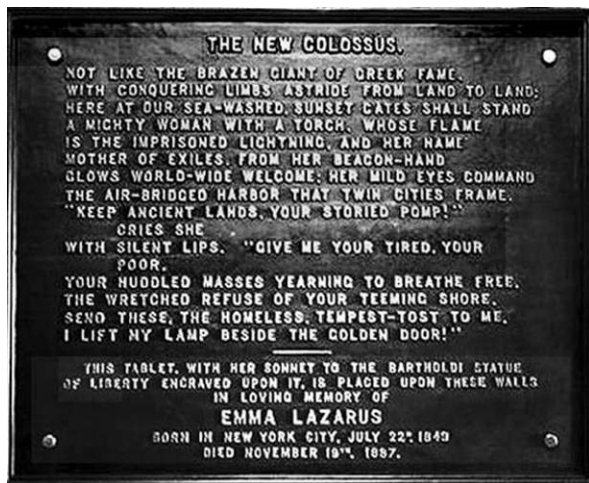
ЭММА ЛАЗАРУС И ЕВРЕЙСКАЯ «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»

Материалы к лекции
Даниэля Марома (Израиль)

Москва
сентябрь 2012 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГНАННЫХ»

Эмма Лазарус. «Новый Колосс»

Не Родосский гигант, поправший земли, -
нет, нынче, привечая свет зари,
над портом станет женщина, не дремля –
держа свой факел с молнией внутри.

Мать изгнанных ! Их горьким воплям внемля,
у широко распахнутой двери,
бездомных и замученных приемли
и языком поступка говори:

«Гремевшие в истории державы!
Отдайте мне всех тех, кого гнетёт
жестокость вашего крутого нрава, –
изгоев страстно жаждущих свобод.
Стань маяком величия и славы,
светильник мой у золотых ворот».

Пер. В. Кормана

1492

Thou two-faced year, Mother of Change and Fate,
Didst weep when Spain cast forth with flaming sword,
The children of the prophets of the Lord,
Prince, priest, and people, spurned by zealot hate,
Hounded from sea to sea, from state to state,
The West refused them, and the East abhorred.
No anchorage the known world could afford,
Close-locked was every port, barred every gate
Then smiling, thou unveil'dst, O two-faced year,
A virgin world where doors of sunset part,
Saying, "Ho, all who weary, enter here!
There falls each ancient barrier that the art
Of race or creed or rank devised, to rear
Grim bulwarked hatred between heart and heart!"

1492

Двуликий год, год перемен и рока,
Ты плакал, видя, как пылающим мечом
Гнала Испания бездушным палачом
Детей Господних и народ Пророков,
По всей земле затравленных жестоко,
Презренных Западом и проклятых Востоком.
Весь мир молчал, оставшись не причём,
Закрит был каждый порт и заперт каждый дом,
И ты явил тогда, двуликий год,
Мир непорочный, где закат лежал,
Сказав: "Пусть странник всяк сюда войдёт!
Преграда расы, веры здесь падёт
И смолкнет глас любой, что воспевал
От сердца к сердцу ненависти вал!"

Пер. В. Лазаруса

BY THE WATERS OF BABYLON°°

Little Poems in Prose

NO. I. THE EXODUS (August 3, 1492)

1. The Spanish noon is a blaze of azure fire, and the dusty pilgrims crawl like an endless serpent along treeless plains and bleached high-roads, through rock-split ravines and castellated, cathedral-shadowed towns.

2. The hoary patriarch, wrinkled as an almond shell, bows painfully upon his staff. The beautiful young mother, ivory-pale, well-nigh swoons beneath her burden; in her large enfolding arms nestles her sleeping babe, round her knees flock her little ones with bruised and bleeding feet. "Mother, shall we soon be there?"

3. The youth with Christ-like countenance speaks comfortably to father and brother, to maiden and wife. In his breast, his own heart is broken.

4. The halt, the blind, are amid the train. Sturdy packhorses laboriously drag the tented wagons wherein lie the sick athirst with fever.

5. The panting mules are urged forward with spur and goad; stuffed are the heavy saddle-bags with the wreckage of ruined homes.

6. Hark to the tinkling silver bells that adorn the tenderly-carried silken scrolls.

7. In the fierce noon-glare a lad bears a kindled lamp; behind its network of bronze the airs of heaven breathe not upon its faint purple star.

8. Noble and abject, learned and simple, illustrious and obscure, plod side by side, all brothers now, all merged in one routed army of misfortune.

9. Woe to the straggler who falls by the wayside! No friend shall close his eyes.

10. They leave behind the grape, the olive, and the fig; the vines they planted, the corn they sowed, the garden-cities of Andalusia and Aragon, Estremadura and La Mancha, of Granada and Castile; the altar, the hearth, and the grave of their fathers.

11. The townsman spits at their garments, the shepherd quits his flock, the peasant his plow, to pelt with curses and stones; the villager sets on their trail his yelping cur.

12. Oh the weary march, oh the upturn roots of home, oh the blankness of the receding goal!

13. Listen to their lamentation: *They that ate dainty food are desolate in the streets; they that were reared in scarlet embrace dung-hills. They flee away and wander about. Men say among the nations, they shall no more sojourn there; our end is near, our days are full, our doom is come.*

14. Whither shall they turn? for the West hath cast them out, and the East refuseth to receive.

15. O bird of the air, whisper to the despairing exiles, that to-day, to-day, from the many-masted, gayly-bannered port of Palos, sails the world-unveiling Genoese, to unlock the golden gates of sunset and bequeath a Continent to Freedom!

«На реках вавилонских» Маленькие стихотворения в прозе

Исход (3 августа 1492)

1. Испанский полдень сверкает синим огнем, запылившись пилигримы бесконечным змеем ползут по лишенным деревьев равнинам и выгоревшим дорогам, сквозь каменные проломы и зубчатостенные города у подножий соборов.
2. Убеленный сединами и сморщенный как миндальная скорлупка патриарх болезненно облокачивается на посох. Прекрасная молодая мать, бледная как слоновою кость, близка к обмороку под тяжелой ношей: в ее больших, обнимающих руках покоится спящий младенец, у колен сбились малыши с исцарапанными, кровоточащими ножками. «Мама, скоро ли дойдем?»
3. Юноша с христовым самообладанием утешает отца и брата, девушку и жену. В его груди – разбитое сердце.
4. В караване – хромые и слепые. Крепкие вьючные лошади усердно тянут крытые повозки, в которых лежат больные, в горячке мучимые жаждой.
5. Одышливых мулов всячески погоняют. Тяжелые вьюки набиты осколками разломанных домов.
6. Прислушайтесь к перезвону серебряных колокольчиков, украшающих бережно переносимые шелковые свитки.

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГНАННЫХ»

7. В нещадный полуденный зной мальчик несет разожженную лампу. Небесные дуновения не трогают ее бледной сиреневой звезды за переплетением бронзы.
8. Благородные и униженные, ученые и простаки, знаменитые и безвестные плетутся рядом, теперь все они братья, объединенные в неудачливую отступающую армию.
9. Увы отстающему, падающему у дороги! Нет друга, что закроет ему глаза.
10. Позади оставлены виноград, оливка и фига. Посаженная ими лоза, посеянная кукуруза, города-сады Андалузия и Арагон, Эстремадура и Ла-Манча, Гранада и Кастилия, алтарь, очаг и могила отцов.
11. Горожанин плюет на их одежды, пастух бросает стадо, а крестьянин – плуг, чтобы осыпать их проклятиями и камнями; селянин науськивает на них лающую дворнягу.
12. О, изнуряющий поход, о, вырванные корни дома, о, бледность удаляющейся цели!
13. Прислушайтесь к их плачу: те, кто вкушал изящные яства, заброшены на улицах, те, кто возвращен в пурпуре, жмутся к навозным кучам. Они убегают прочь и скитаются вокруг. Говорят в народах, они не станут больше пребывать там. Наш конец близок, исполнились дни, настала погибель.
14. Куда им обратиться? Ибо Запад изгнал их, а Восток отказывается принять.
15. О птица небесная, прошепчи отчаявшимся изгнанникам, что сегодня, сегодня из многомачтового, с веселыми знаменами порта Палос выплывает мирооткрыватель из Генуи, что раскроет золотые ворота заката и завещает Континент Свободе!

NO. V. CURRENTS.

1. Vast oceanic movements, the flux and reflux of immeasurable tides oversweep our continent.
2. From the far Caucasian steppes, from the squalid Ghettos of Europe,
3. From Odessa and Bucharest, from Kief and Ekaterinslav,*
4. Hark to the cry of the exiles of Babylon, the voice of Rachel mourning for her children, of Israel lamenting for Zion.
5. And lo, like a turbid stream, the long-pent flood bursts the dykes of oppression and rushes hitherward.
6. Unto her ample breast, the generous mother of nations welcomes them.
7. The herdsman of Canaan and the seed of Jerusalem's royal shepherd renew their youth amid the pastoral plains of Texas and the golden valleys of the Sierras.

Течения

1. Наш континент омывают гигантские океанические движения, неизмеримые приливы и отливы.
2. Из дальних кавказских степей, из нищих гетто Европы,
3. Из Одессы и Бухареста, из Киева и Екатеринослава,
4. Прислушайтесь к плачу изгнанников вавилонских, к голосу Рахили, оплакивающей своих детей, Израиля, вопиющего о Сионе.
5. И вот, словно мутный поток, накопившийся потоп прорывает плотины угнетения и стремится сюда.
6. На свое обширное лоно принимает их щедрая мать народов.
7. Ханаанский скотопас и потомки иерусалимских королевских пастухов обретают новую юность среди пасторальных равнин Техаса и золотых долин Сьерр.

GIFTS

"O World-God, give me Wealth!" the Egyptian cried.
His prayer was granted. High as heaven, behold
Palace and Pyramid; the brimming tide
Of lavish Nile washed all his land with gold.
Armies of slaves toiled ant-wise at his feet,
World-circling traffic roared through mart and street,
His priests were gods, his spice-balmed kings enshrined,
Set death at naught in rock-ribbed charnels deep.
Seek Pharaoh's race to-day and ye shall find
Rust and the moth, silence and dusty sleep.

"O World-God, give me Beauty!" cried the Greek.
His prayer was granted. All the earth became
Plastic and vocal to his sense; each peak,
Each grove, each stream, quick with Promethean flame,
Peopled the world with imaged grace and light.
The lyre was his, and his the breathing might
Of the immortal marble, his the play
Of diamond-pointed thought and golden tongue.
Go seek the sun-shine race, ye find to-day
A broken column and a lute unstrung.

"O World-God, give me Power!" the Roman cried.
His prayer was granted. The vast world was chained
A captive to the chariot of his pride.
The blood of myriad provinces was drained
To feed that fierce, insatiable red heart.
Invulnerably bulwarked every part
With serried legions and with close-meshed code,
Within, the burrowing worm had gnawed its home,
A roofless ruin stands where once abode
The imperial race of everlasting Rome.

"O Godhead, give me Truth!" the Hebrew cried.
His prayer was granted; he became the slave
Of the Idea, a pilgrim far and wide,
Cursed, hated, spurned, and scourged with none to save.
The Pharaohs knew him, and when Greece beheld,
His wisdom wore the hoary crown of Eld.
Beauty he hath forsworn, and wealth and power.
Seek him to-day, and find in every land.
No fire consumes him, neither floods devour;
Immortal through the lamp within his hand.

Дары

«Дай богатство мне, Бог!» – египтянин молил
И дворцы до небес Бог ему даровал,
И полет пирамид, а разлившийся Нил
Щедро золотом земли его омывал.
Шли в ногах у него вереницы рабов,
Целый мир торговал на его площадях,
И жрецы его были превыше богов,
А цари, пережившие сотни веков,
Почивали в пропахших бальзамом гробах.
Поищи фараоново племя сейчас -
И найдешь только мусор да спящую пыль
На изъеденных гнилью камнях.

«Дай, о Бог, красоты мне!» – упрашивал грек,
И земля обратилась его мастерской:
Целый мир – горы, рощи и тысячи рек –
Зазвенел под его вдохновенной рукой.
Прометеев огонь, безутешный беглец,
Бушевал в его песнях и мрамор калил,
И весь мир засверкал, как волшебный ларец,
И творящего слова алмазный резец
Он пытливою мыслью своей заточил.
Поищи же сейчас племя полубогов –
И найдешь ты обломок далеких времен,
Что когда-то колонною был.

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГНАННЫХ»

«Дай мне власти, о, Бог!» – римлянин заклинал,
И в крови захлебнулась земля, и на ней,
Ненасытный, как пленника, он приковал
Целый мир к колеснице гордыни своей.
И, укрывшись среди крепостей и фортов,
Пребывал он в жестоком величье своем,
Недоступный и грозный во веки веков,
Под защитой закона и тысяч клинков,
Только червь изнутри подточил его дом.
Так и сгнули Вечного Рима сыны,
И на месте Империи – груда руин,
Что напомним тебе о былом.

«Дай мне истину, Эль!» – умолял иудей –
И бездомным изгоем навеки он стал,
Ненавидимый, проклятый между людей,
Где его никогда и никто не спасал.
Он отрекся от власти, богатство презрел
И земной красотой по горло был сыт,
Пережить фараонов и греков сумел,
Уцелел от потопа, в кострах не сгорел
И незыблемой верою был знаменит.
Поищи же сегодня его – и найдешь,
Что, бессмертный, он в мире повсюду живет
И в руке его факел горит.

Перевод В. Лазариса

GENESIS CAP. 35. לה

GENESIS, XXXV.

16 הַמָּקוֹם אֲשֶׁר דִּבֶּר אֱתוֹ שֵׁם אֱלֹהִים בֵּית-אֵל: וַיִּסְעוּ
מִבֵּית אֵל וַהֲרִיעוּד כְּבֵרֶת-דָּאָרְזַן לְבֹא אֶפְרָתָה וַתֵּלֶד
17 רָחֵל וַתִּקַּשׁ בְּלִדְתָהּ: וַיְהִי בְהִקְשָׁתָהּ בְּלִדְתָהּ וַתֹּאמֶר
לֵה הַמַּגִּידָה אֵל יִשְׂרָאֵל כִּי-נִסְתַּח לִּי בֶן: וַיְהִי בַצֵּאת
18 נַפְשָׁהּ כִּי מָתָה וַתִּקְרָא שְׁמֹו בְּרָאוּנִי וְאָבִיו קְרָא-לֹו
בְּנִימִין: וַתָּמָת רָחֵל וַתִּקָּבֵר בְּנֶרֶד אֶפְרָתָה הִיא בֵּית
19 לָחֵם: וַיָּצַב יַעֲקֹב מַצֵּבָה עַל-קְבֻרָתָהּ הִוא מַצֵּבַת קְבֻרַת-
21 רָחֵל עַד-הַיּוֹם: וַיִּסַּע יִשְׂרָאֵל וַיֵּט אֶהְרָה מִהַקְּלָאָה לְמַגְדֹל
22 עֵדָר: וַיְהִי בַשֶּׁפֶן יִשְׂרָאֵל בָּאֶרֶץ הַחַיִּל וַיִּלְךְ רְאוּבֵן וַיִּשְׁכַּב
אֶת-בִּלְהָה פִּילְגֵשׁ אִבְיוֹ וַיִּשְׁמַע יִשְׂרָאֵל פ

16 † And they journeyed from Beth-el; and there was but a little way to come to Ephrath; and Rachel travailed, and she had hard labour.

17 And it came to pass, when she was in hard labour, that the midwife said unto her, Fear not; thou shalt have this son also.

18 And it came to pass, as her soul was in departing, (for she died) that she called his name Ben-oni; but his father called him Benjamin.

19 And Rachel died, and was buried in the way to Ephrath, which is Beth-lehem.

20 And Jacob set a pillar upon her grave: that is the pillar of Rachel's grave unto this day.

21 † And Israel journeyed, and spread his tent beyond the tower of Edar.

22 And it came to pass, when Israel dwelt in that land, that Reuben went and lay with Bilhah his father's concubine; and Israel heard it. Now the sons of Jacob were twelve:

Бытие 35:18-20

С последним вздохом, уже умирая, она назвала его Бен-Они, но отец назвал его Биньямин.

Рахель умерла и была погребена на дороге в Эфрату (иначе — Бейт-Лехем).

Яков воздвиг памятный знак над ее могилой, и это — памятник над могилой Рахели до сего дня

GENESIS. L.

In the morning he shall devour the prey, and at night he shall divide the spoil.

28 ¶ All these are the twelve tribes of Israel: and this is it that their father spake unto them, and blessed them; every one according to his blessing he blessed them.

29 And he charged them, and said unto them, I am to be gathered unto my people: bury me with my fathers in the cave that is in the field of Ephron the Hittite.

30 In the cave that is in the field of Machpelah, which is before Mamre, in the land of Canaan, which Abraham bought with the field of Ephron the Hittite for a possession of a burying-place.

31 There they buried Abraham and Sarah his wife; there they buried Isaac and Rebekah his wife; and there I buried Leah.

32 The purchase of the field and of the cave that is therein was from the children of Heth.

33 And when Jacob had made an end of commanding his sons, he gathered up his feet into the bed, and yielded up the ghost, and was gathered unto his people.

בראשית ויהי מט ט סא. 49. 50.

28 בְּלֶאֱלֶה שִׁבְטֵי יִשְׂרָאֵל שְׁנַיִם עָשָׂר וְזֹאת אֲשֶׁר-דִּבֶּר לָהֶם אֲבוֹתָם וַיְבָרַךְ אוֹתָם אִישׁ אֲשֶׁר כִּבְרַכְתּוֹ בְּרֹךְ אֹתָם: וַיְצַו אוֹתָם וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם אֲנִי נֹאסֵף אֶל-עַמִּי קִבְרוּ אֹתִי אֶל-אֲבוֹתַי אֶל-הַמְעָרָה אֲשֶׁר בְּשֵׂדֶה עֶפְרוֹן הַחִתִּי: ל בַּמְעָרָה אֲשֶׁר בְּשֵׂדֶה הַמְּכַפְלָה אֲשֶׁר-עַל-פְּנֵי מַמְרֵה בְּאֶרֶץ כְּנָעַן אֲשֶׁר קָנָה אֲבוֹתָם אֶת-הַשְּׂדֵה מֵאֵת עֶפְרוֹן הַחִתִּי לְאֶחָזְתִּי קִבְרוּ: שְׁמֵה קִבְרוּ אֶת-אֲבוֹתָם וְאֵת שְׂרָה אִשְׁתּוֹ שְׁמֵה קִבְרוּ אֶת-יִצְחָק וְאֵת רֵבֶקָה אִשְׁתּוֹ וְשְׁמֵה קִבְרֹתַי אֶת-לֵאָה: מ קָנָה הַשְּׂדֵה וְהַמְעָרָה אֲשֶׁר-בּוֹ מֵאֵת בְּנֵי-חֵת: וַיִּבֶל יַעֲקֹב לְצֹנֹת אֶת-בְּנָיו וַיֹּאסֵף רַגְלָיו אֶל-הַמֶּטֶה וַיָּנֹג וַיֹּאסֵף אֶל-עַמּוֹ:

Бытие 49:30-31

В пещере, что на поле Махпела близ Мамре, в земле ханаанской. Это поле Авраѓам купил у Эфрона-хетта в собственность для погребения.

Там похоронили Авраѓама и его жену Сару. Там похоронили Ицхака и его жену Ривку. Там же я похоронил Лею.

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГНАННЫХ»

JEREMIAH, XXXI.

יִרְמִיָּהוּ לֵאמֹר. כַּפ. 31.

15 ¶ Thus saith the Lord: A voice was heard in Ramah, lamentation and bitter weeping: Rahel weeping for her children refused to be comforted for her children, because they were not.
 16 Thus saith the Lord: Refrain thy voice from weeping, and thine eyes from tears: for thy work shall be rewarded, saith the Lord; and they shall come again from the land of the enemy.
 17 And there is hope in thine end, saith the Lord, that thy children shall come again to their own border.
 18 ¶ I have surely heard Ephraim bemoaning himself thus: Thou hast chastised me, and I was chastised, as a bullock unaccustomed to the yoke: turn thou me, and I shall be turned; for thou art the Lord my God.
 19 Surely after that I was turned, I repented; and after that I was instructed, I smote upon my thigh: I was ashamed, yea, even confounded, because I did bear the reproach of my youth.
 20 ¶ O Ephraim, my dear son? is he a pleasant child? for since I spake against him, I do earnestly remember him still: therefore my bowels are troubled for him; I will surely have mercy upon him, saith the Lord.

14 יְהוָה: כֹּה אָמַר יְהוָה קוֹל בְּרָמָה נִשְׁמָע נְדוּ בְּכִי תַמְרוּרִים רַחֵל מְבַכָּה עַל-בָּנֶיהָ מְבַכָּה עַל-בָּנֶיהָ לְהִנָּחֵם עַל-בָּנֶיהָ
 15 כֹּה אָמַר יְהוָה מִנְעֵי קוֹלֶךָ מִבְּכִי וְעֵינֶיךָ מִדְּמָעָה כִּי יֵשׁ שֹׂכֵר לְפַעֲלֶמֶךָ נֹאסֵי-יְהוָה וְשָׁבוּ מֵאֶרֶץ
 16 אוֹיֵב: וְיִשְׁתַּחֲוֶה לְאַחֲרֵי-יָם נֹאסֵי-יְהוָה וְשָׁבוּ בְנֵיהֶם לְגִבְעוֹתָם: שָׁמָע שְׁמַעְתִּי אֶפְרַיִם מִתְנוּדָד יִסְרַתְנִי וְאֹסֵר בְּעַגְלָא לֹא לִמְד הַשְׁבִּנִי וְאִשׁוּבָה כִּי אֶתָּה יְהוָה אֱלֹהָי: כִּי-אֶתְּרִי שׁוֹבֵי נַחְמַתִּי וְאַחֲרֵי הַדְּעֵי סַפְקַתִּי עַל-יָדֶיךָ בְּשִׁתִּי וְנִסְתַּבְּלַמְתִּי כִּי נִשְׁאַרְתִּי חֲרַפְתָּ נְעוּרָי: הֲבֵן יִקָּרֵר לִי אֶפְרַיִם אִם יִלְדֵּי שְׁעִשְׁוֹעִים קִרְמֵי דְבָרֵי בֹן וְזָמֵר אֲזַכְּרֶנּוּ עוֹד עַל-בֶּן הָמָן מִצִּי לֹא רַחֵם אֶרְחַמֶּנּוּ נֹאסֵי-

Иеремия 31:15-17

Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет.
 Так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, и возвратятся они из земли неприятельской.
 И есть надежда для будущности твоей, говорит Господь, и возвратятся сыновья твои в пределы свои.

שְׁחִמְרֵתִיהּ. אָמַר לוֹ שָׁמָא מַה שְׁלֵא הִכְנַסְתָּ אוֹתָהּ לְקַבּוּרָה שָׁמָא עוֹנֵת נַשְׁמַיִם הֵייתָהּ. אָמַר לוֹ לֹאֵן כַּעֲוֹד כְּבִרַת אֶרֶץ לְכוּ אִסְרַתָּהּ (סֵע) בֵּין סַסַּח לְעִצְרַת הָיָה בְּזַמְנֵי שְׁהָאֶרֶץ מְעוּסָה וְהוֹלַכְתָּ וּבָאָה כְּכֹרֶה שִׁיכּוּלִים (הִנֵּי) [לְהַלּוֹךְ] (סֵע). אָמַר לוֹ יוֹסֵף נִזְוֹר עֲכָשִׂיו וְאִנִּי מַעֲלָה אוֹתָהּ וּקְוַכְרָתָהּ. אָמַר לוֹ יַעֲקֹב אִין אֶתָּה יוֹכֵל בְּנֵי שְׁלֵא קְבֻרָתִיהָ שָׁם אֵלָא עַל פִּי הַדִּיבּוּר שְׁאֵף אִנִּי בְקִשְׁתִּי לְהַעֲלוֹתָהּ וּלְקַוְרָהּ וּלֹא הִגִּיתִינִי הַקְּדוּשׁ נְרוּךְ הוּא שְׁנֹאסֵר וְאִקְבְּרָהּ (סֵע) מַהוּ שֶׁעַל פִּי הַדִּיבּוּר (סֵע). וְלִמָּה שְׁנִלְוִי וְצַמִּי לַסִּנּוּי שְׁסוּף בֵּית הַבְּקֻדֶשׁ עֲתִיד לִיחַרֵּב וּכְנִיז עֲתִידִים לְצַאת בְּנוּלָה וְהֵם הוֹלְכִין אֲצִל אֲבוֹת וּמְכַסְּשִׁים מֵהֶם שִׁתְּחַלְּלוּ עֲלֵיהֶם וְאִינֵם מוֹעִילִין לָהֶם וְכִינֵן שְׁהֵם הוֹלְכִין בְּדַרְךְ הַם בְּאִין וּמְחַבְּבִין עֲשִׂוֹת רַחֵל וְהִיא עוֹמֶרֶת וּפְבַכְּתָהּ רַחֵם מִן הַקְּדוּשׁ בְּנִיךָ הוּא וְאֹמֶרֶת לַסִּנּוּי רְכוּנוֹ שֶׁל עוֹלָם שְׁמַע כְּקוֹל בְּכִייתִי וְרַחֵם עַל-בְּנָיִי אִין אִין לִי הָאוֹנִיָּא יִשְׁלִי. מִיד הַקְּדוּשׁ נְרוּךְ הוּא שׁוֹמֵעַ כְּקוֹל תְּפִילָתָהּ מִנִּי שֶׁכֵּן כָּתֹב בְּכִי תִסְרָרִים רַחֵל מְבַכָּה עַל-בְּנֵיהָ (יִימִיָּה לֵאלֹהֵי טִי) וְכָתֹב וַיֵּשׁ תְּקוּנָה לְאַחֲרֵי-יָם [נְאוּם ה'] וְשָׁבוּ בְנֵיהֶם לְגִבְעוֹתָם (סֵע) אִסְרַתְּהָ (יִז) הִרִי מִיִּסּוֹ לְמַה לֹּא נִכְנַסָּה אֲבוֹ לְקַבּוּרָה (ע). עֲשֵׂה אֶת-נַנְיֹו שְׁבַכְּשִׁים (עֵל) הַתְּחִיל יוֹסֵף מְקַרֵּב אֶת-בְּנָיִי אֲצִל אֲכִיז כְּדִי שִׁיבְרַכֵּם שְׁנֹאמְרֵי יוֹסֵף אֶת-שְׁנֵיהֶם אִסְרַתְּהֶם בִּימֵינוּ

Joseph asked Jacob: Was there perhaps a reason that you did not bring her to the grave [at Hebron]? Was it perhaps because of the rainy season?

Jacob replied: No. *In coming to Ephrath the earth still looked like a sieve*⁵¹ (*ibid.*). The time was between Passover and the Feast of Weeks, when, like a sieve, the earth seemed to move to and fro with the swaying of the ears of grain from which bread is made.⁵²

Joseph said: Give the word now, and I will take her up and bury her.

Jacob replied: You may not, my son. Except for a divine command I would no. have buried her there. I too wished to bring her up and bury her [in Hebron]; but the Holy One, blessed be He, did not allow me to; *And I buried her there* (*ibid.*). What did Jacob imply by the word *there*?⁵³ Obedience to a divine command. God commanded Rachel to be buried there because it was known to Him and foreseen that a time was to come when the Temple would be destroyed and Jacob's children would depart into exile. Whereupon they would go to the Patriarchs whom they would beseech to pray for them, but the Patriarchs would not avail the children of Israel. Then, before setting forth on their way, they would go and embrace the tomb of Rachel, who would arise and beg mercy of the Holy One, blessed be He, saying to Him: Master of the universe, hearken to the voice of my weeping and have mercy upon my children, or else pay the due bill which I present.⁵⁴ Forthwith the Holy One, blessed be He, would listen to the voice of her prayer. And the proof? Scripture says [of the time when the Temple was destroyed], *A voice is heard in Ramah,*⁵⁵ *lamentation, and bitter weeping, Rachel weeping for her children* (Jer. 31:15). Scripture goes on to say, *And there is hope for thy future, saith the Lord; and thy children shall return to their border* (Jer. 31:17). Jacob thus satisfied Joseph as to why his mother was not brought to a grave [at Hebron].

Мидраш Песикта Раббати

Спросил Иосиф Иакова: Была ли причина, почему ты не привез ее в гробницу [в Хевроне]? Было ли это из-за сезона дождей?

Ответил Иаков: Нет. «По дороге в Ефрафу земля еще была как решето». Это было между Песахом и Шавуотом, когда подобно решету земля казалась движущейся от покачивания колосьев, из которых делается хлеб.

Сказал Иосиф: Прикажи, я подниму ее и похороню.

Ответил Иаков: Не можешь, сын мой, ведь если бы не Божественное повеление, я не похоронил бы ее там. Я тоже желал поднять ее и похоронить [в Хевроне], но Святой, благословен Он, не позволил мне, «и я похоронил ее там». Что означает «там»? Повиновение Божественному повелению. Всевышний знал и провидел, что придет день, когда будет разрушен Храм, и дети Иакова отправятся в изгнание. Тогда пойдут они к Праотцам и станут просить их молиться за них, но Праотцы не помогут им. Тогда по пути они припадут к могиле Рахили, которая поднимется и станет молить Святого, благословен Он, о помиловании, говоря: Властелин вселенной, прислушайся к звуку плача моего и смилостивься над моими детьми, а иначе ответь на мою претензию. Тут же Святой, Благословен он, прислушается к голосу молитвы ее, как сказано «Рахиль плачет о детях своих» (Иер. 31:15), и еще сказано «есть надежда для будущности твоей [говорит Господь], и возвратятся сыновья твои в пределы свои». (Иер. 31:17)

Так примирил его с тем, что мать не похоронена в гробнице.

OUTSIDE THE CHURCH¹⁰

The dark, square belfry tower and massive walls
Fling huge, quaint shadows on the vivid grass;
Through Gothic archways the blue sky is seen;
On the carved stone the generous sunshine falls
With warm, brown tints; athwart the oriel's glass
It casts strange rainbow stains upon the green.

Open the jewelled, pictured windows slant,
That the cool freshness of the soft-aired morn
May enter in; while outward float to me
The deep-voiced organ-chords, the full-choired chant
Above all simple, rural sounds upborne,
And the fine incense' sultry fragrancy.

No grief, no pain those sacred tones express:
Why do they overflow the eyes with tears?
No troublous discord, no pathetic plaint —
They sing the perfect peace of holiness,
Uplift above the reaches of men's fears,
Of grave, great joy and undisturbed content.

The thin, clear echo of the last note dies —
Nay, rather soars beyond our narrow ken
Into a sphere more lofty, vast and wide —
Leaving fulfilled with tears the cheated eyes,
And the foiled heart with longings vague and vain,
Nameless and never to be satisfied.

Where is the utter peace those chants suggest?
Have yonder folk who kneel within at last
Reached its pure source and quaffed the waters calm?
I almost deem that their's is perfect rest,
Disaster, doubt, and evil overpast,
As from without I listen to their psalm.

O Church, to yet one more thy gateways ope,
Who needs all comforts thou canst offer these —
Love, pity, pardon, charity and prayer,
The far-off prospect of a light, a hope
In the fulfilment of life's promises,
A strengthening breath of some diviner air.

O Mother-Church, what solace, what reply,
Hast thou for me? No, I have stood within
The cloistered limitations of thy walls,
With honest efforts, earnest piety,
Imploring refuge from distress and sin,
The grace that on thine own elected falls.

Wearied of those unceasing doubts of mine,
Harassed, perplexed, with one great longing filled:
To hear the mastering word, to yield, adore,
Conquered and happy, crying, "I am thine!
Uplift, sustain, and lead me like a child,
I will repose in thee forevermore."

I waited, but the message did not come;
No voice addressed my reason, and my heart
Shrank to itself in chill discouragement.
To me the ancient oracles were dumb,
The lifeless rites no comfort could impart,
Charged with no answer for my discontent.

Midst blank and stupid faces I could see,
Crowned with strange joy, made beautiful with peace,
Pure brows of women, rapt and fervent-eyed;
And grave men glorying in humility,
Absorbed in quaint and child-like services,
Sincerely moved, devout and satisfied.

The tempered light of many tapers blent
With the stained sunshine; the dim atmosphere,
Dreamy with incense; the organ's rich sea-sound, —
Each sense with these was feasted and content.
Neglected still the hungry heart was here,
And no response my mind or spirit found.

Estranged, unsatisfied, I issued forth
(Not there again to look for peace and rest)
Into the broad white light and large sweet air;
And lo! the spring-tide beauty of the earth
Touched tenderly the chord unreachd, unguessed,
And all my spirit melted in a prayer.

Here will I seek my peace, here rests my mind,
Knowing "God's comforts are no little thing."
Oh simple souls who yearn with no reply,
Too reverent for religions, ye may find
All patience, all assurance life can bring,
In this free prospect, 'neath this open sky!

Here where I stand, religion seems a part
Of all the moving, teeming, sunlit earth;
All things are sacred, in each bush a God;
No miracles accepts the pious heart,
Where all is miracle; of holy worth
Seems the plain ground our daily feet have trod.

As the majestic choral chant I hear,
The low, impressive organ symphonies,
And with rapt eyes the unfathomed skies I search,
All earth-born troubles wane and disappear,
And I can feel, amidst my reveries,
That not alone I stand outside the church.

«Вне церкви»

Содержание: Лирический герой обращается к «Матери Церкви» в поисках покоя, смирения, вдохновения и «убежища от печалей и греха». Он ищет повеления, которое позволит ему, ликуя, повиноваться и «вскричать – я Твой». Однако «безжизненные ритуалы» церкви не дают ответа на его поиск. Ответ он находит выйдя за пределы церкви, где вся земля словно дышит религией, все кажется чудом, наполняет душу молитвой. В природе герой находит свое вдохновение и ощущает, что «не один стоит вне этой церкви».

THE NEW EZEKIEL

What, can these dead bones live, whose sap is dried
By twenty scorching centuries of wrong?
Is this the House of Israel, whose pride
Is as a tale that's told, an ancient song?
Are these ignoble relics all that live
Of psalmist, priest and prophet? Can the breath
Of very heaven bid these bones revive,
Open the graves and clothe the ribs of death?

Yea, Prophesy, the Lord hath said. Again
Say to the wind, Come forth and breathe afresh,
Even that they may live, upon these slain,
And bone to bone shall leap, and flesh to flesh.
The Spirit is not dead, proclaim the word,
Where lay dead bones, a host of armed men stand!
I ope your graves, my people, saith the Lord,
And I shall place you living in your land.

«Новый Иезекииль»

Оживут ли кости сии, чьи соки иссушены за двадцать неправедных веков?

Это ли Дом Израилев, чья гордость – легенда на устах, древняя песнь?

[... далее описание возвращения в Палестину, намеренно обращающееся к видению Иезекииля о сухих костях ...]

Дух не погиб, провозгласите – где лежали сухие кости, восстало живое войско!

Я открою гробы ваши, народ мой, говорит Господь, и оживете, и помещу вас на земле вашей.

EMMA LAZARUS — AN EPISTLE TO THE HEBREWS

VII 1882-3

"When trouble comes upon the congregation, it is not right for a man to say, 'I will eat and drink, and things will be peaceful to me' Our teacher Moses always bore his share in the troubles of the congregation, as it is written, 'They took a stone and put it under him.' (Ex. xvii. 12). Could they not have given him a chair or a cushion? But then he said, 'Since the Israelites are in trouble, lo, I will bear my part with them, for he who bears his portion of the burden, will live to enjoy the hour of consolation. Woe to one who thinks, ah well, I will neglect my duty. Who can know whether I bear my part or not? Even the stones of the house, ay, the limbs of the trees shall testify against him, as it is written, 'for the stones will cry from the wall, and the limbs of the trees will testify.'"—TALMUD. TALMUD 114

"All things are ready if our minds be so."—SHAKESPEARE—*Henry V.*

It is but a few weeks since the detailed facts of the persecution were made public by refugees arriving in this country after losing nearly all that is valuable in life. . . . Within the last few days, with silence and expedition, leading Jews of this city have perfected the organization of an Aid Society. . . . They propose to raise \$500,000 to meet the emergencies that have arisen, and a Society that has obtained subscriptions of \$30,000 or more within the last four or five days is likely to be successful in its purposes. All this has been done quietly, without angling for newspaper notoriety, and without any ostentatious display of oratory."

My purpose in collating these facts is merely to show that when once the influential and successful members of our race are convinced of the need for an act of generosity or patriotism in behalf of our humbler brethren, who are doomed to bear the full burden of our historical misfortune, they cheerfully and promptly confront the emergency. And this is all that it concerns us to know; for the most ardent supporter of the scheme does not urge the advisability of an emigration en masse of the whole Jewish people to any particular spot. There is not the slightest necessity for an American Jew, the free citizen of a republic, to rest his hopes upon the foundation of

АМЕРИКА КАК «МАТЬ ИЗГАННЫХ»

any other nationality soever, or to decide whether he individually would or would not be in favor of residing in Palestine. All that would be claimed from him would be a patriotic and unselfish interest in the sufferings of his oppressed brethren of less fortunate countries, sufficient to make him promote by every means in his power the establishment of a secure asylum. From those emancipated countries of Europe and America where the Jew shares all the civil and religious privileges of his compatriots, only a small band of Israelites would be required to sacrifice themselves in order to serve as leaders and counselors. When the idea of a restoration that has spread so rapidly shall have once taken general root, I no more doubt that such a devoted band will volunteer from every land in the world where the Jews have either tasted or hungered after the delights of freedom, than I doubt that a whole army of Jews in Eastern Europe are now looking forward to such a restoration as the only solution of their immemorial problem, the only haven of rest from their tempest-tossed wanderings.

Why should the Jews of America prove backward in justifying the flattering prognostications of so sincere a well-wisher of our people? Looking on from the outside, in a political sense, upon the struggle of our brethren in bondage, and yet feeling ourselves bound to them by the closest and most sacred ties of historic, religious and racial association, it is incumbent upon us to take the first step towards preventing those future disasters predicted by Mr. Oliphant and by all other students of Eastern-Jewish life. These (homeless) and unwelcome ones must have a home provided for them. Their colonization in groups or en masse in the United States is impracticable. No nation in the world, however liberal its constitution, however hospitable its character, could absorb so immense a heterogeneous body as the Jews of the persecuted districts of Eastern Europe and Northern Africa would form. Only by establishing them independently in a territory of their own could they enter upon a free, secure and dignified existence. The emancipated Jews of the whole world should unite in promoting this end, indispensable to the moral and material salvation of our race. The territory must be obtained by purchase or contract, political independence must be assured. As long as refugees arrive here by hundreds, or even by the thousand, up to a certain point, a helping hand may be extended to them, over the whole breadth of the continent

* *Nineteenth Century*, August, 1882.

sufficient land may be found to support them. But the question before us is one of *millions*, and when the limit is reached, and Anti-Semitic sophistry and bigotry again begin to exert their fatal influence upon the wretched crowds who still remain behind, where shall they turn? Whither shall they flee? Sunk in the squalor and ignorance of Ghetto-life, already drained by enforced emigration of their most vital young blood, what resistance will they be able to offer either morally or materially to their crushing environment? It is our duty to anticipate this calamity; the possibility, not to say probability of its arrival, is too awful to be neglected. And the only method by which it can be anticipated is by the united action of American and free European Jews, in deliberating upon the ways and means of securing the proper asylum, and contributing the sum necessary for its purchase and establishment. Here in America should be organized an energetic society of intelligent and patriotic Jews to act in concert with the Israelitish Alliance of Europe towards the promotion of this end. Tremendous as the difficulties are in the way of such a scheme, they present nothing in the nature of an impossibility; the situation whence we seek an outlet, not only for millions of our brethren, but for the future of our whole race, is desperate; and the stake is the most glorious that can be held forth to the aspiration of noble men and women, viz., the life and liberty of a nation.

Эмма Лазарус. «Послание к евреям». 1882-1883

«Когда общину посещают несчастья, нельзя человеку говорить: буду есть и пить, и жизнь моя будет мирной. Учитель наш Моисей всегда соучаствовал в несчастьях общины, как сказано, «И тогда взяли камень и подложили под него» (Исх. 17:12) Разве не могли дать ему кресло или подушку? Но он сказал: раз народ Израиля бедствует, вот и я разделю их долю, ибо тот, кто разделяет ношу, доживет до часа утешения. Увы тому, кто решает презреть свой долг, думает: кто узнает, понес ли я свою долю или нет? Сами камни дома и ветви деревьев будут свидетельствовать против него, как сказано: «Камни из стен возопиют и перекладыны из дерева будут отвечать им» (Авв. 2:11)» – Талмуд, трактат Таанит 11А

«Коль мы готовы духом, – все готово» – Шекспир, «Генрих V»

Лишь несколько недель назад беженцы, прибывшие в нашу страну, потеряв почти все, что было ценного в их жизни, известили нас в подробностях о преследованиях... За последние дни важнейшие евреи этого города тихо и незамедлительно организовали Общество Помощи... Они намерены собрать 500 тысяч долларов, чтобы покрыть возникшие срочные расходы, и если Общество за прошедшие четыре-пять дней добилось пожертвований в размере тридцати тысяч, то верно, достигнет цели. Все это было проделано в тишине, без стремления к газетной славе и показного красноречия.

Я собираю эти факты лишь с тем, чтобы показать, что стоит влиятельным и успешным нашим соплеменникам убедиться в необходимости акта щедрости или патриотизма в пользу смиреннейших наших собратьев, обреченных нести всю ношу наших исторических несчастий, они с готовностью и расторопностью берутся противостоять беде. Этого знания нам достаточно – самый ярый сторонник идеи не утверждает, что целесообразно всему еврейскому народу эмигрировать в какое-либо одно место. Нет ни малейшей необходимости американскому еврею, свободному гражданину республики, возлагать надежды на основание какого-либо иного государства или решать, согласен ли лично он поселиться в Палестине. От него требуется всего лишь патриотический и бескорыстный интерес к страданиям угнетенных братьев в менее благоприятных краях, что заставит его всеми доступными средствами поддерживать основание надежного убежища.

В эмансипированных странах Европы и Америки, где еврей разделяет все гражданские и религиозные привилегии своих соотечественников, потребуется только небольшая группа евреев, которые принесут себя в жертву и станут руководителями и советниками. То, что стоит так стремительно распространившейся идее восстановления укорениться повсеместно, как такая группа приверженцев идеи соберется из всех стран, где евреи испытали радость свободы или жаждали ее, так же несомненно, как то, что целая армия евреев в Восточной Европе ныне ждет этого восстановления как единственного решения их извечной проблемы, единственного убежища после бурных скитаний.

Как могут евреи Америки опровергнуть оптимистичные прогнозы такого искреннего доброжелателя нашего народа? Мы, наблюдающие борьбу наших угнетенных собратьев в политическом смысле со стороны, и тем не менее ощущающие с ними тесные и священные связи исторического, религиозного и расового толка, обязаны предпринять первый шаг к предупреждению будущих трагедий, предсказанных господином Олифантом и другими исследователями восточной еврейской жизни. Этим бездомным, никем не приемлемым людям следует обеспечить дом. Их поселение группами или всех вместе в Соединенных Штатах – невозможно. Ни одно государство в мире, как бы либеральна не была его конституция, не может вобрать в себя такую неисчислимую однородную массу, какую составляют евреи угнетенных регионов Восточной Европы и Северной Африки. Лишь независимое поселение на их собственной территории даст им свободное, безопасное и достойное существование. Эмансипированные евреи всего мира должны объединиться в поддержку этой цели, необходимой для морального и материального спасения нашего народа. Территорию эту следует приобрести путем покупки или договора, обязательно добившись политической независимости. Пока беженцы прибывают сюда сотнями или даже тысячами, до определенного момента им можно протянуть руку помощи, найти достаточно земли на просторах нашего материка для их размещения. Но перед нами вопрос миллионов, и когда будет достигнут предел, а несчастные толпы, оставшиеся там, снова подвергнутся фатальному воздействию антисемитской софистики и нетерпимости, куда они обратятся? Куда им бежать? Какое моральное или материальное противодействие разрушающей среде смогут оказать они, погруженные в нищету и невежество жизни в гетто, лишенные путем насильственной эмиграции наиболее жизненной молодой крови?

Наш долг – предотвратить эту трагедию. Слишком ужасна ее возможность или даже вероятность, чтобы ее игнорировать. Единственный способ предупредить ее – объединенные действия американских и свободных европейских евреев, которым следует принять решения о способах и средствах достижения подходящего убежища и собрать необходимую сумму для его приобретения и заселения. Здесь, в Америке, следует организовать энергичное сообщество интеллигентных и патриотичных евреев, которые будут действовать на благо этой цели сообща с Израильским Альянсом Европы. Пусть этот проект сопряжен с чрезвычайными сложностями, но в нем нет ничего невозможного. Положение, из которого мы ищем выход, не только для миллионов наших собратьев, но и для будущего всего нашего народа – отчаянное, а награда – величайшая, какой можно побуждать порывы достойных мужчин и женщин, а именно, жизнь и свобода народа.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
КУЛЬТУРНО-РАЗВИВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

